

Выступление доктора социологических наук В.В. Волкова на Седьмых Сенатских чтениях

СУДЕЙСКОЕ СООБЩЕСТВО И СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ В РОССИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Первые Сенатские чтения состоялись в апреле 2009 г. в контексте мирового финансового кризиса, и в своем выступлении В.Д. Зорькин тогда говорил о том, что одной из причин кризиса была неадекватная реализация правовых норм, предназначенных для защиты граждан от недобросовестных действий частного финансового сектора. Сегодня, если верить заявлениям ведущих экспертов, мир стоит на пороге новой рецессии. Она вызвана проблемой суверенного долга нескольких стран, то есть безответственными и чрезмерными заимствованиями правительств у частного сектора для покрытия своих растущих расходов. Здесь причиной является недостаточный контроль за действиями исполнительной власти.

Исторически проблема суверенного долга известна давно – и она послужит нам хорошим поводом для того, чтобы вспомнить о проблеме разделения властей. Причиной гражданской войны в Англии 1642 г. послужили, в том числе, нежелание короля Карла I платить по долгам и произвольно вводимые налоги, чтобы покрыть растущие военные расходы короны. Парламент не мог оспорить политику короны, так как король 11 лет его вообще не созывал, а королевский суд и «Звездная палата» готовы были узаконить любое решение короля. Безраздельная власть обострила внутренние конфликты настолько, что вызвала вооруженную мобилизацию общества. Гражданская война изменила баланс сил в пользу Парламента, но не решила проблему королевских дефолтов. Карл II также пошел по пути накопления долга, объявил дефолт в 1672 г., вызвав финансовую панику и подготовив революцию 1688 г. В результате революции принцип разделения властей получил свое практическое воплощение в необходимости согласования с парламентом всех расходов короны, а также в создании независимых судов с пожизненным назначением судей. Экономическая история говорит нам о том, что действенное разделение властей, их взаимный баланс и зависимость друг от друга стали механизмом надежных гарантий прав частной собственности, снизили риски для финансового сектора, удешевили кредиты и обеспечили экономический рост Англии на протяжении последующих двухсот лет.

Разделение властей стало признаком Нового Времени и критически важным условием развития обществ на основе свободного частного предпринимательства.

Разделения властей является одним из основных принципов государственного устройства России, он закреплен в статье 10 Конституции РФ. Там же провозглашается самостоятельность судебной власти и констатируется, что суды в РФ осуществляют государственную власть. Далее в главе 7 текста Основного Закона говорится, что судебная власть осуществляется посредством судопроизводства. Там же зафиксированы принципы, обеспечивающие независимость и организационную самостоятельность судебной власти. Это несменяемость, независимость, неприкосновенность судей, открытость судопроизводства.

Законодательно принцип разделения властей обеспечен более чем достаточно. В законе «О статусе судей» независимость судебной власти зафиксирована целым рядом формулировок. Общая логика состоит в том, что судебная власть принадлежит только судам в лице судей и ее независимость определяется тем, как обеспечена независимость судей. В законе подробно прописаны процедуры назначения судей, организация судов, гарантии независимости судей. Нет необходимости подробно останавливаться на всех деталях: они хорошо продуманы и ясно написаны. Независимость судебной власти всесторонне прописана в текстах законов.

Вопрос, конечно, состоит в том, как это все работает на самом деле, в действительности. Собственно с этого момента и начинается социология. Социология является не нормативной, а эмпирической наукой, поэтому она занимается тем, что есть на самом деле, а не тем, как должно быть. Далее я хотел бы перейти к теме судебной власти, ее независимости и дееспособности в качестве власти и рассмотреть эту тему с точки зрения новой социологии права.

Есть два методологических принципа, которые конституируют социологию права.

Первый принцип заключается в том, что ни закон, ни прецедент не содержат в себе способов своего применения на практике. Текст закона не способен однозначно выразить те явления, к которым он относится. Поэтому применение правил, законов, прецедентов, установление соответствия между некоторым событием и его законодательным описанием составляет отдельную практику. В правовом позитивизме это явление, с подачи Герберта Харта, известно как «открытость текстуры права». Правовые реалисты занимают еще более радикальную позицию. Если, как утверждал Оливер Холмс, «общая форма высказывания не может служить

решением конкретного случая», то такое решение всегда остается за судьей. Это отличный отправной пункт для социальных исследований: вопрос ставится не о том, как судьи должны принимать решения в соответствии с кодексами, а о том, как они это делают в действительности. Поэтому правовой реализм открыл возможности для позитивного анализа принятия судебных решений. Происхождение судьи, раса, пол, темперамент, биографический опыт – все это входит в составляющие судебного решения, влияя на то, что на русском юридическом языке называется «внутренним убеждением».

Второй методологический принцип социологии права состоит в том, что решения, которые принимают судьи, не находятся у них в головах. Эти решения на самом деле имеют групповую природу, они заданы извне, подвержены влиянию организационных факторов. Социологическая постановка вопроса возникает тогда, когда в центре внимания оказываются формальные и неформальные правила организации, которые создают стимулы и ограничения при принятии решений и их реализации; когда отдельный человек рассматривается как член сообщества, следующий общим нормам, подчиняется коллективным ожиданиям и в этом смысле не является свободным. Это вопрос об институциональном устройстве судебной системы и его влиянии на отправление судебной власти. Отправление правосудия – это во многом работа аппарата, бюрократической организации, профессиональной культуры, а также понимание и добровольное принятие судьями ограничений, накладываемых властью как внутри самой судебной системы, так и извне. Отдельно взятый, погруженный в себя судья, имеющий перед собой текст закона, – это абстракция.

Итак, законы сами себя не применяют и не предоставляют свод правил, однозначно соотносимых с жизнью. Решение о применении законов принимают люди, причем это специально обученные и отобранные профессионалы. И делают это не изолированно, не путем внутреннего созерцания, а коллективно, находясь в организационном и культурном пространстве, в рамках судебной системы как института. Поэтому эмпирически достоверная модель отправления судебной власти может быть создана только средствами социологии. Новая социология права, которую представляет здесь Институт проблем правоприменения, исходит из того, что право должно исследоваться эмпирически как правовые факты, т.е. факты применения или неприменения законов или иных нормативных актов, но интерпретироваться такие факты должны через действия или поведение людей объединенных в группы или организации, с точки зрения групповых интересов или организационного контекста, т.е. с точки зрения экстра-легальных влияний.

К слову – эмпирически ориентированные исследования в жанре социологии права, причем достаточно оригинальные и методологически выверенные, были и в СССР. Примером является двухтомник «Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок», изданный в 1975 году. В этом исследовании анализировалось формирование внутреннего убеждения судей, отношения районных судов с вышестоящими, факторы, ограничивающие независимость правосудия. В исследовании применялся анкетный опрос судей, анализ статистики, методы экспериментальной психологии. Примечательно, что сама книга вышла под грифом «Для служебного пользования», что, конечно, является своего рода клеймом признания достижений и ее авторов, и социологического подхода, но одновременно – мерой, направленной на то, чтобы эти достижения не слишком широко тиражировались.

Вернемся к основному вопросу о разделении властей и независимости судебной власти. В какой мере ее организация, профессиональная культура, повседневная практика способствует реализации конституционных принципов разделения властей и независимости судебной власти? Где сосредоточена судебная власть – в самих судьях, в организации судов, в судебском сообществе, в отдельных должностях судебной иерархии?

В дальнейших рассуждениях я буду ссылаться на некоторые результаты наших исследований, которые включали анкетный опрос судей судов общей юрисдикции (мировых, районных и судов субъектов федерации) в шести регионах РФ из шести федеральных округов, всего 760 анкет, по вопросам профессиональных норм и ценностей, структуры профессионального сообщества, принятия решений, нагрузки. Кроме этого, исследование включало 18 экспертных интервью с судьями (как действующими, так и недавно вышедшими в отставку), анализ судебной статистики, а также интервью с работниками следственных органов и прокуратуры.

Что же представляет собой судебский корпус сегодня? В последние 10 лет судебское сообщество значительно обновилось. Если разделить судей на профессиональные когорты по периоду вступления в должность, то структура выглядит так: 12% судей вступили в должность еще в советское время; 28% в 1990-е годы; 59% - после 2001 г. То есть в профессии преобладают постсоветские судьи с большим перевесом в сторону тех, кто пришел во время стабильности и после улучшения условий работы судей в начале нулевых годов. Доля судей советского периода уменьшается. Но значит ли это, что на их место приходят более профессиональные и независимые кадры?

Все далеко не так просто: с одной стороны, профессиональное сообщество себя воспроизводит, с другой – меняется. Соотношение воспроизводства и перемен зависит от того, откуда приходят новые кадры, какие

навыки и профессиональную культуру они привносят, а также от того, как и чему их обучают.

Наиболее массовой траекторией попадания в судейский корпус является работа в аппарате судов (секретари, помощники): судей, имеющих такой опыт работы в выборке 33,3%. Вторая по значимости профессиональная траектория – работа в прокуратуре, опыт работы в этом органе исполнительной власти имели 22,1% судей. Кроме этого, в судьи идут юристы из государственных организаций (18,6%) и следственных органов, 16,7%. Из юристов частных компаний и адвокатов в судьи попадают относительно мало — 12,4% и 12,6% соответственно. Если сгруппировать профессиональные траектории судей по специфике организаций, в которых они проработали наиболее продолжительный период времени, то получается следующая картина:

Внутренний набор — 29% (аппараты судов, мировые суды, департамент).

Прокуратура — 17%.

Внешний набор из профильных госорганов – 16% (следствие, МВД)

Внешний набор из коммерческого сектора – 15% (адвокатура, корпоративные юристы)

Внешний набор из госорганов – 11,1% (юристы госструктур)

Кандидаты в судьи, которые выдвигаются председателями из работников аппарата судов, представляют обособленную группу, своего рода профессиональную субкультуру. Это носители навыков, которые опытные судьи, особенно председатели судов, считают ключевыми: умение готовить документы, проекты решений, вести делопроизводство, т.е. бюрократическая сторона дела. При высокой нагрузке, судьи сильно зависят от аппарата, и эффективная работа с процессуальными документами определяет успешность судьи в системе, где четкое соблюдение процессуальных сроков является одним из двух главных критериев оценки работы судьи. Соответственно, судьи, вышедшие из аппарата судов, являются носителями организационной дисциплины. При этом эта группа судей занимает должность в относительно молодом возрасте и еще долго продолжает работать вместе с теми, кто был их непосредственным руководителем (хотя теперь их чаще назначают в другой район), сохраняя неформальную субординацию. В этой группе судей, большинство в которой составляют женщины, трудно определить, где кончаются профессиональные нормы и навыки, связанные с аппаратной и бюрократической работой, и начинаются собственно судейские навыки, связанные с правосудием. В интервью от судей часто приходилось слышать о том, что отправление правосудия – это прежде всего дисциплина.

Из прокуратуры в судьи идут по большей части мужчины, причем в более зрелом возрасте, и они чаще потом специализируются по уголовным делам. Ценность бывших прокурорских работников, по признанию судей, состоит в их высокой компетентности в юридических, процессуальных вопросах. Но проработав долгое время в органах прокуратуры, человек будет носителем определенной корпоративной культуры, а чем выше возраст и больше опыт, тем сложнее происходит профессиональная ресоциализация. В советское время, когда милиция, прокуратура и суд были частью единого правоохранительного аппарата, а судья лишь проверял качество предварительного следствия после следователя и прокурора, такая ресоциализация была нужна гораздо меньше при переходе из прокуратуры в суд, чем сегодня, когда состязательность процесса и независимость судей поставлены во главу угла. Вопрос о том, насколько можно обоснованно говорить о наличии «прокурорской субкультуры» в судейском сообществе, пока открыт, но у нас есть определенные свидетельства того, что она есть.

Если прокуратура является профессионально близкой субкультурой по отношению к судейскому сообществу, то к адвокатской профессии отношение настороженное, если не враждебное. Адвокаты воспринимаются в судейском сообществе как проводники коррупции, не столько как профессионалы, выступающие в судебном процессе как сторона защиты, сколько люди, пытающиеся «решать вопросы». Соответственно, в сложном процессе подбора и назначения судей эта неформальная установка сказывается на доле выходцев из этой профессии, которая остается невысокой. Вопрос о том, транслируются ли подобные установки на сам судебный процесс, где государственный обвинитель и адвокат должны состязаться на равных, может быть поставлен, в особенности в контексте так называемого «обвинительного уклона» в правосудии. К этому моменту я вскоре вернусь, но пока могу привести данные опроса, касающегося норм и ценностей судей как профессионального сообщества, которые свидетельствуют в пользу присутствия в судейском корпусе различных субкультур.

Если прокуратура является профессионально близкой субкультурой по отношению к судейскому сообществу, то к адвокатской профессии отношение настороженное, если не враждебное. Адвокаты воспринимаются в судейском сообществе как проводники коррупции, не столько как профессионалы, выступающие в судебном

процессе как сторона защиты, сколько люди, пытающиеся «решать вопросы». Соответственно, в сложном процессе подбора и назначения судей эта неформальная установка сказывается на доле выходцев из этой профессии, которая остается невысокой. Вопрос о том, транслируются ли подобные установки на сам судебный процесс, где государственный обвинитель и адвокат должны состязаться на равных, может быть поставлен, в особенности в контексте так называемого «обвинительного уклона» в правосудии. К этому моменту я вскоре вернусь, но пока могу привести данные опроса, касающегося норм и ценностей судей как профессионального сообщества, которые свидетельствуют в пользу присутствия в судебском корпусе различных субкультур.

На графике представлена частота выбора главных качеств, которыми должен обладать судья, чтобы наилучшим образом исполнять свои обязанности. Это выбор трех вариантов из девяти: специализация, бескорыстие, дисциплинированность, непредвзятость, гуманность, справедливость, знание буквы закона, независимость, внимательность (аккуратность). Это нормы, комбинация которых образует своего рода портрет идеального судьи, по мнению респондента. Вы скажете: все качества важны. Это так, но побуждая респондента делать выбор, мы можем судить об относительной важности того или иного качества и в итоге получаем разные идеалы для разных групп судей: для выходцев из разных профессий, для судей разных возрастных когорт, для мужчин и для женщин. Таким образом мы можем нащупать профессиональные субкультуры. Еще раз: это не мнение судьи о себе (типа бескорыстен он или нет, независим или нет, и т.п.), а его представление о том, какими качествами должен обладать идеальный судья и проценты на графике показывают более или менее важные качества.

С одной стороны, на графике видно, что в профессиональном сообществе судей есть высокая степень нормативного консенсуса по поводу важности тех или иных профессиональных норм. Знание буквы закона (законность), справедливость и независимость составляют нормативное ядро, а гуманность, дисциплинированность, специализация и бескорыстие являются периферийными. Промежуточное положение в иерархии норм занимает непредвзятость. Но здесь важны и нюансы: выходцы из прокуратуры отвечают не так, как выходцы их аппарата судов (а прочие категории занимают промежуточную позицию). Так вот, судьи с прокурорским опытом придают заметно большее значение бескорыстности и справедливости как нормам профессии, чем судьи с аппаратным опытом, при этом они приписывают меньшее значение непредвзятости и аккуратности, которым, наоборот, придают большую важность выходцы из аппарата судов. Оговорюсь, что речь здесь идет не о том, что что-то совсем не важно: все важно, кроме, как видим, гуманизма. Метод множественного выбора ответа фиксирует некоторые склонности, различные представления о качествах судьи, и здесь для нас важны различия.

Если очень кратко пройти по другим групповым различиям, которые влияют на портрет идеального судьи, то важными оказываются поколенческие различия и пол судьи.

Краткий комментарий к графику: по мере перехода от советской когорты к первой пост-советской и к наиболее молодой явно снижается важность бескорыстия как профессиональной нормы, но значимо растет важность таких бюрократических качеств, как дисциплинированность и аккуратность. Также возрастает акцент на знании буквы закона – что может быть отражением как роста профессионализации, так и общего усложнения, уплотнения и изменчивости законодательной среды в 2000е годы.

С некоторой долей условности в судебском корпусе можно различить мужскую и женскую субкультуру.

Если брать лишь статистически значимые различия из тех, что видны на графике, то можно сказать, что у мужчин и у женщин разный идеал судьи. В мужском идеале судьи больше бескорыстности, справедливости и независимости. Но меньше дисциплинированности, ответственности и внимательности. В женском идеале судьи, соответственно, больше дисциплинированности, ответственности и внимательности, но бескорыстие, справедливость и независимость там менее значимы. Замечу в дополнение, что в судебском корпусе 66% судей составляют женщины.

Но вернемся к нашей основной теме – разделению властей и независимости судебной власти. Логика наших рассуждений была такова. Разделение властей и, в частности, выделение судебной власти как имеющей свои собственные основания, определяется ее независимостью, а она, в свою очередь, основана на независимости судей. Такова, как мне кажется, и логика соответствующих законов. Но действительная реализация независимости судей зависит от того, как функционируют институты, организации и сообщества, в которых укоренена повседневная работа судей и принимаемые ими решения. А они функционируют, в том числе, по традиции и неписаным правилам. Независимость судебной власти и судей – это не вопрос наличия или отсутствия грубого вмешательства или давления извне, а вопрос о степени свободы в толковании законов и в принятии решений, которые судьи сами могут себе позволить, сознательно или бессознательно – находясь во власти профессиональных норм, системы оценки их работы и продвижения по службе, действуя в организационной иерархии, где важное место принадлежит председателям судов. Эту постановку вопроса мы

назвали социологической.

Приведем другой факт из нашего исследования. Российские судьи — профессиональная группа с низким уровнем географической мобильности. Большинство судей работает в том же регионе, где они выросли и где получили юридическое образование. 77% судей работает там, где выросли. Судей, которые не росли и не учились в том регионе, где они работают, всего 8%. Мобильность российского общества в целом значительно выше — сейчас около 55% людей живут и работают там же, где родились и выросли, а 45% сменили географию.

То есть судьи прочно укоренены в местном или региональном социуме, а длительное нахождение в одном и том же сообществе неизбежно рождает неформальные взаимозависимости — таково свойство социальной укорененности. Зная это, многие организации, чья функция связана с отправлением власти или распределением ресурсов, сознательно практикуют географическую ротацию кадров. Это есть способ повышения объективности и независимости. В судебном сообществе, насколько мне известно, это практикуется слабо.

В обществе периодически возобновляется дискуссия об «обвинительном уклоне» в российских судах — его иллюстрацией служит ничтожно малая доля оправдательных приговоров, 1,02% в 2010 г. и еще примерно 2% — прекращение дел по реабилитирующим обстоятельствам (0,27%, если исключить дела частного обвинения). То есть в целом суды не поддерживают позицию прокурора лишь в 3% случаев, в то время, как в европейских странах доля оправдательных приговоров составляет 15-20%. По делам частного обвинения (т.е. без государственного обвинителя) доля оправдательных приговоров в России составляет около 20%. Конечно, сам термин «обвинительный уклон» носит публицистический оттенок, указывая на то, что есть некая проблема, но не раскрывает ни самой проблемы, ни ее решения.

Вместо слов «обвинительный уклон» можно говорить о склонности судей так или иначе поддерживать позицию обвинения. Это есть своего рода зависимость или ограничение при принятии судебного решения, не прописанное в законе. Мы имеем три взаимодополняющих объяснения повышенной чувствительности судей к позиции государственного обвинения. Первое связано с традицией, уходящей корнями в советскую модель уголовного процесса, в которой суд является лишь конечной инстанцией, проверяющей качество работы предварительного следствия. Обвинительное заключение пишет следователь, потом его проверяет начальник следственного отдела, потом оно утверждается прокурором. Суд еще раз их проверяет. В советской традиции трудно было различить функции предварительного следствия и суда. Сейчас, хотя принцип независимости суда и состязательности судебного процесса закреплен законом, место суда и понимание судьями смысла их работы меняется медленно. В экспертных интервью это видно по таким довольно типичным высказываниям: «если уж что-то упустил следователь, начальник следственного отдела и прокурор, и это выявляет судья, тогда может быть и оправдательный приговор, но это очень маленький процент». Само понимание того, что, вынося оправдательный приговор, судья идет против прокуратуры и следствия, меняет смысл его деятельности с отправления правосудья на необходимость учета интересов других ведомств, относящихся к исполнительной власти.

Этот момент может усиливаться близостью профессиональных культур прокуроров и судей, особенно в контексте перехода сотрудников прокуратуры и следствия на работу в суды: из первого или второго звена уголовного процесса они переходят в третье. Вот цитата из интервью с бывшим председателем суда: «Мы же с прокуратурой, не сказать, что мы дружим или в плохих отношениях, но мы, и те, и другие, стоим на страже государства».

Но наиболее важным моментом в понимании того, почему судья склонен поддерживать государственное обвинение, служат административные риски, связанные с высокой вероятностью обжалования оправдательного приговора в вышестоящей инстанции и высокой вероятностью отмены такого приговора. Статистика показывает, что оправдательные приговоры обжалуются в вышестоящей инстанции в три раза чаще, чем обвинительные — т.е. прокурор будет биться до конца, чтобы не получить отрицательную оценку своей работы. При этом оправдательные приговоры отменяются вышестоящим судом в 4,7 раза чаще, чем обвинительные: 33% против 7%. Для судей стабильность приговоров, т.е. доля отмененных приговоров в общем количестве рассмотренных дел, является главным показателем качества их работы. Он очень важен для дальнейшей карьеры судьи, и если отмен много, то вопрос может рассматриваться на квалификационной коллегии. В такой институциональной структуре обвинительный приговор будет равновесным решением, устраивающим всех. Таким образом, кроме соображений полноты, объективности и законности возникают еще соображения экстра-легального характера, которые, как показывают экспертные интервью, судьи вполне осознают.

Как же достигается гармония между институциональными ограничениями и внутренними убеждениями судьи, основанными на законности и справедливости? Во-первых, есть неформальная практика, которая носит

название «посоветоваться». Она всегда упоминается, когда судьи рассказывают о своей работе. Если раньше представитель гособвинения и судья в явном виде советовались друг с другом по поводу дела, по которому им предстояло встретиться в суде, то теперь эта практика стала носить менее явный характер. Во многих местах суд и прокуратура находятся в одном помещении, а долгое личное знакомство значительно облегчает эту практику. Другой инстанцией, с которой судья советуется в случае сомнения, это председатель суда или даже судья или председатель вышестоящего суда, куда дело поступит в случае обжалования. Здесь нет давления или нарушения принципа независимости, но есть неявное распределение принятия решения внутри организации для того, чтобы лучше предсказать последствия того или иного решения. Так поступает любой разумный человек, но это не прописано в законах.

Второй практический способ достижения компромисса между организационными императивами и справедливостью состоит в том, чтобы не вынести оправдательный приговор, но и не подвергнуть серьезному наказанию подсудимого в случае, если имеются сомнения в качестве следствия. Реальный срок лишения свободы получают только около четверти подсудимых. В остальных случаях это условные сроки или штрафы или прекращение дела по нереабилитирующим обстоятельствам. Гособвинение будет удовлетворено обвинительным приговором, подсудимый выйдет на свободу, но с отметкой о судимости и соответствующими последствиями для собственной карьеры.

По данным нашего опроса, наиболее важными инстанциями или референтными группами при оценке работы судьи по конкретному делу являются председатели судов и судейское сообщество (коллеги).

Председатели судов и профессиональное сообщество судей являются для отдельно взятого судьи своего рода осями координат: вертикальной (председатель) и горизонтальной (сообщество). Независимость судей зависит, в том числе, и от его или ее координат в этом пространстве. Закон наделяет председателей судов широкими полномочиями в части организации судопроизводства, подбора кадров, распределения ресурсов. Но председатели имеют также значительное неформальное влияние. Профессиональное сообщество является носителем традиции, стандартов, норм, практического искусства в любой области. И организационная иерархия внутри судов, воплощением которой является институт председателей, и профессиональное сообщество являются контекстом работы любого судьи. Если воспользоваться терминологией канадского правоведа Питера Соломона, бюрократическая подотчетность судей должна быть сбалансирована профессиональной подотчетностью. Открытость судебных решений, возможность их обсуждения в различных профессиональных сообществах и ассоциациях способствует усилению именно этого вида подотчетности и показывает зрелость профессии.

Мы начали с того, что реализация принципа разделения властей важна для стабильного экономического роста, поскольку этот механизм создает надежные гарантии прав собственности и предсказуемость, которые важны для улучшения инвестиционного климата. Критическим условием реализации этого принципа является сильная и независимая судебная власть. Все законодательные условия для этого есть. Вопрос заключается в том, насколько полно возможности, созданные законодательством, востребованы самим судейским сообществом. Отчасти это зависит от того, насколько отправление правосудия является искусством и призванием самого судьи, который должен быть зависим только от стандартов своей профессии, хранителем которых является само профессиональное сообщество.

И последнее. Часто приходится слышать, что судебная система – это большой груз для государственного бюджета, что расходы на нее не следует повышать, и что ее реформирование будет стоить дорого. На этот вопрос надо смотреть с другой точки зрения – не как на расходы, а как на инвестиции, которые могут дать многократную отдачу в будущем.

Конституционный Суд Российской Федерации,

Санкт-Петербург,

16 ноября 2011 года.